

Щербаков Сергей Владимирович

канд. ист. наук, преподаватель

БОУ СПО «Чувашское республиканское

училище культуры»

г. Чебоксары, Чувашская Республика

**ЧУВАШСКАЯ ПОЗИЦИЯ
НА ПРОЕКТ ВОЛЖСКО-УРАЛЬСКОГО ШТАТА
В НОЯБРЕ-ДЕКАБРЕ 1917 ГОДА:
ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ**

Аннотация: вопрос о проекте Волжско-Уральского штата в ноябре-декабре 1917 г. и позиции чувашских деятелей в отношении него, для исторического чувашеведения довольно новый, малоизученный, переполненный штампами и стереотипами. Однако, на современном этапе от выяснения этого вопроса зависит не только объективное воспроизведение картины произошедшего, но и историческая перспектива существования чувашской государственности. Автор полагает, что перед современными исследователями истории становления автономии и государственности чувашского народа в данной проблеме стоят две задачи: а) достоверно и детально определить позиции ведущих лидеров чувашского национального движения в ноябре–декабре 1917 г. по форме участия чувашского народа в региональном национально-государственном строительстве; б) выработать принципиальную позицию в отношении малообоснованной тенденции считать этот проект формой территориальной автономии и государственности татарского народа в пользу подчеркивания его интернациональной сущности.

Ключевые слова: национальные проекты, региональный проекты, автономизация, Волжско-Уральский регион, переговорный процесс, национальные организации, органы власти, точки схождения, точки разногласий.

В статье мы ставим следующие задачи: 1) проследить как в современной исторической литературе отражен исторический материал и какие сделаны выводы по чувашской составляющей проекта Волжско-Уральского штата в ноябре-декабре 1917 года; 2) обозначить направления исследований, которые помогут объективно и комплексно разобраться с этим вопросом.

I) Историографический обзор исследований советского периода в отношении проекта Волжско-Уральского штата в ноябре-декабре 1917 г. мы не проводим на том основании, что советские историки не ставили задачу выявлять степень этнического компонента в данном проекте автономизации, более заостряя внимание на классовом анализе событий. В 1920–1980-ые гг. ограничивались однострочным шаблоном о буржуазном характере штата, после чего сразу переходили к описанию совместной борьбы партии большевиков и националов со своими классовыми врагами.

Современный тезис о том, что проект Волжско-Уральского штата образца ноября-декабря 1917 г. является продуктом государствообразующей деятельности мусульманского движения, прочно укрепился в массовом и научном сознании под влиянием традиций многочисленной татарской историографии. Он основан на подходе, в котором смешиваются четыре различных проекта автономизации казанских татар, которые те пытались реализовать в период с ноября 1917 г. до июня 1918 г. в один единый процесс становления мусульманской территориальной автономии. Напомним эти проекты:

1) *Волжско-Уральский штат* (ноябрь-декабрь 1917 г.), где преобладают демократические, антисоветские и интернациональные принципы;

2) *Средне-Волжский и Южно-Уральский штат* (январь-февраль 1918 г.) с признанием Советов и с незначительным доминированием мусульманского населения (от 43 до 51%);

3) *штат Идель-Урал* (февраль-март 1918 г.) это татаризированная форма интернационального штата со значительным преобладанием мусульман (до 60%);

4) *Татаро-Башкирская советская республика* (март-июнь 1918 г.) национально-территориальная автономия современного типа, где четко обозначены титульные нации, находящаяся на данной территории на особом положении.

Если внимательно и объективно посмотреть на эти проекты, то видно, что два последних действительно являются территориальной автономизацией мусульман (либо татар и башкир) и попыткой строить свою национально-территориальную государственность. Однако два первых проекта не являются таковыми по определению – по всем документам они носили областной и интернациональный характер. Это видно даже по названию проектов.

Примечание: напомним, что национально-территориальной автономии традиционно считается территория, где есть изначальный приоритет какой-либо нации. Другие нации в этой автономии находятся на общих основаниях и должны признавать приоритетность титульной нации. В областной автономии, по понятиям того времени, автономность строилась по экстерриториальному и культурному принципу. На одной и той же территории суверенными правами могли обладать все народы, включая и приезжие – главное создать собственные национально-представительные органы, которые и будут отстаивать культурно-национальные права членов своего сообщества.

Традиция смешивать эти проекты, даже не смотря на принципиальные противоречия, характерна почти для всех татароведов, работающих над этим вопросом. Их мотивы удревнить собственную государственность понятны и естественны. Не перечисляя всех работ, в качестве примера укажем наиболее позднее исследование, опубликованное в 2013 г. в фундаментальном академическом издании в 7 томах «История татар с древнейших времен». В нем Д. Усманова, профессионально занимающаяся темой, справедливо замечает, что согласно резолютивных документов проект Волжско-Уральского штата ноября-декабря 1917 г., должен был носить областной характер. То есть в штате не было исключительного приоритета одной или двух наций, где все национальности, языки и религии полностью равны. В публикации правдиво говорится, что считать Националь-

ное собрание мусульман внутренней России и Сибири (Милли Меджлис) будущим парламентом штата – это грубая ошибка и что параллельно и на тех же экстерриториальных принципах должны были функционировать русские, чувашские и марийские национально-государственные учреждения. Все общеобластные решения в национальной политике должны были происходить совместно и коллегиально. Однако, при этом, автор все равно называет резолюцию Милли Меджлиса от 29 ноября 1917 г. проектом «территориальной автономией тюрко-татар» [18, с. 239]. Отчего такое противоречие? По-видимому, это дань устоявшейся традиции. Такое положение вполне устраивает татарскую общественность, но как к этому должны относиться чувашские исследователи? Ведь чувашский «след» в этом проекте явственный.

В советское время, как говорилось выше, чувашские историки не давали этническую характеристику проекта Волжско-Уральского штата 1917 г., ограничиваясь кратким ярлыком о его буржуазности. Чувашские практические действия по включению своего народа в этот штат необоснованно приписали антисоветским лидерам Чувашского национального общества (Г.Ф. Алюнову, И.В. Васильеву и другим). На основе недостоверных поздних свидетельств чувашских левых социалистов (А.Д. Краснова, В.А. Алексеева, Д.С. Эльменя и других), раскручивался миф о наличии, якобы некоего левого крыла, который на декабрьском Чувашском военно-окружном съезде 1917 г. и январском Всероссийском чувашском военном съезде 1918 г. сорвал вхождение чувашского народа в этот контрреволюционный штат.

Примечание: традиция трактовки проекта Волжско-Уральского штата конца 1917 г. в качестве буржуазного, проявилась уже в 1918 года. Чувашские политики и деятели национального движения, сотрудничающие с Советами, тогда в своих публикациях были вынуждены подчеркивать преданность советским идеалам и неприязнь к «буржуазным» проискаам. Это же требовалось и в дальнейшем, когда они писали свои воспоминания.

Среди современных исследователей истории становления автономии и государственности чувашского народа в начале XX в. оценка освобожденного от

цензуры архивного материала вызвала неоднозначную реакцию. Впервые подробно об участии чувашских деятелей в государствообразующих процессах начал писать видный исследователь А.В. Изоркин. При этом он обошел вниманием первый ноябрьский проект штата, сосредоточив основное внимание на втором, январском, проекте. С одной стороны, он занял верную позицию и описывал проект штата в январе 1918 г. как наднациональный, не указывая его этническую принадлежность, последовательно описывая чувашскую позицию на Всероссийском чувашском военном съезде в январе 1918 года [4, с. 20–23]. Но с другой стороны, он продвигал мысль, что для чувашских участников съезда этот вопрос якобы стал «совсем неожиданным» [5, с. 50, 51], тем самым неоправданно обошел вниманием предыдущую деятельность в ноябре-декабре 1917 года. Это невольно искажало картину произошедшего в пользу татар и башкир, выставляя их инициаторами государствообразующих процессов. Возможно, на такое мнение повлияло то, что на рубеже XX–XXI вв., еще не были введены в оборот многочисленные документы, по данному вопросу, хранящиеся в архивах Уфы и Казани. Тем не менее, комплексно описать процесс создания штата, даже в общих чертах автору не удалось, так как в публикациях совсем не была проявлена русско-татаро-чувашско-марийская составляющая второго январского проекта штата, больше известного как Средне-Волжский и Южно-Уральский штат.

Инициативу в государствообразующих процессах мусульманскому движению в Волжско-Уральском регионе отдает другой чувашский исследователь Т.В. Немцева. Так, в частности она сообщает, что в июле 1917 г., поволжские мусульмане приняли решение о провозглашении мусульманской автономии, а «чувашские национальные организации, ознакомившись с материалами собрания (мусульман – С.Щ.), приступили к разработке проекта совместной автономии» [14, с. 57]. Автор не пояснил о каком типе автономизации идет речь и это создает путаность и искажение. Известно, что на том съезде было принято решение о культурной автономизации российских мусульман. Но тогда описанная чувашская позиция отражена неправильно и не соответствуют реалиям –

о необходимости создания для народов Поволжья и Приуралья культурной автономии резолютивно было принято еще на предыдущем съезде мелких народностей Поволжья в мае 1917 г. в Казани, а также на Общечувашском национальном съезде в июне 1917 г. в Симбирске [15, с. 14; 16, с. 2]. Если автор писал о территориальной автономии, то тогда эти сведения тоже не соответствуют действительности, так как этот вопрос действительно обсуждался, но не в июле, а в ноябре 1917 года. Несмотря на запутанное и неполное изложение проекта Волжско-Уральского штата ноября 1917 г. в публикациях Немцевой есть важный позитивный момент – пожалуй, впервые в чувашской историографии создаваемый штат был верно назван «региональной (областной) федеративно-территориальной республикой национальностей» [14, с. 57].

Консервативную позицию заняла видный исследователь современности Е.К. Минеева, который рассматривал проект Волжско-Уральского штата сквозь призму реализации национальной политики большевиков в регионах. В работах не дается оценка об этнической принадлежности штата и его инициаторах и при этом верно пишется, что создавался он как совместная автономия чувашей, татар и башкир. Чувашская позиция по отношению проекта штата 1917 г. отдельно не изучалась. При этом автор приводит сведения чувашских историков советского периода, которые говорят о том, что, якобы, декабрьский Казанский чувашский военно-окружной съезд 1917 г. отверг идею штата, а на январском Всероссийском чувашском военном съезде 1918 г. согласие было получено «некоторым большинством голосов при огромной массе воздержавшихся» [11, с. 45, 46; 12, с. 241–243]. Это было не так. Во второй части нашей статьи мы постараемся разобраться с этим вопросом.

От изучения истории становления советской государственной системы в Чувашии к изучению чувашского национального движения, в последнее десятилетие пришел другой исследователь – В.Н. Клементьев. В то же время, вопросы образования чувашской автономии стал объектом исследования историка-архивиста С.В. Щербакова, т. е. нас, автора данной статьи. В трактовке двух авторов наметилось различные методологические подходы. Рассмотрим вкратце их, так

как они наложили контрастный отпечаток и в вопросе описания проекта Волжско-Уральского штата.

Клементьев, несколько трансформировав прежнее советское наследие считать национальные движения порождением классовой борьбы и традицию выявлять в 1917 г. ведущую роль партии большевиков, сформировал концепцию об определяющей роли в чувашском движении российского просвещения с одной стороны, и стимулирования процесса татарским автономизмом с другой. То есть чувашское движение – это не самобытное и равноправное движение, а инспирированное со стороны общероссийской интеллигенции явление, стимулируемое со стороны мусульманами. Автор, на основе многолетних исследований делает вывод, что все лидеры чувашей в начале XX в., несмотря на всестороннюю просветительскую деятельность российского и советского правительства, оказались «морально-психологически и интеллектуально неуверенными» [10, с. 311]. Что они наделены особыми «этнопсихическими» свойствами – «застенчивость, нерешительность, уступчивость, низкая самооценка, инертная реакция на меняющиеся жизненные реалии... незрелость и неумение самостоятельно принимать решения» [9, с. 33, 41]. Такой методологический подход мы можем характеризовать как обоснование концепции об исторической неполноценности чувашского народа.

Щербаков на основе углубленного и всестороннего изучения архивных документов Чувашии пытается пересмотреть устоявшиеся в советское время стереотипы, восполняя «белые пятна» и исправляя прежние пропагандистские искажения. Чувашское национальное движение мы рассматриваем не со стороны воздействия только государства или их соседей, а комплексно – выявляем объективные социально-экономические, политические и духовные приоритеты народа, после чего изучаем то, как они реализовывались на стыке взаимодействия с региональной и центральной властью страны с одной стороны, и с другими национальными движениями с другой. К сожалению, публичного мнения специалистов и научной общественности Чувашии, на три десятка статей и две монографии Щербакова, не смотря на их значимость и актуальность, так и не

были опубликованы. Зато наша деятельность не была оставлена без внимания историков Татарстана, где были высказаны позитивные и приветственные отзывы [17]. Теперь рассмотрим, как два автора трактуют этническую принадлежность проекта Волжско-Уральского штата.

Примечание: лакуна была заполнена недавно, когда одним предложением, искусственно и без единого доказательства, наша деятельность была охарактеризована как некомпетентность, нигилизм и аутсайдерство. [10, с. 28]. Ждем более основательной оценки и надеемся, что после этой статьи, будет развешиваться не только ярлыки, а произойдет действительно научная дискуссия...

В 2007 г. вышли знаковые статьи обоих авторов на схожую тему. Щербаков впервые в чувашской историографии стал трактовать проект Волжско-Уральского штата на рубеже 1917–1918 гг., как равноправный и интернациональный, где нет приоритета какой-либо нации или религии [19, с. 388, 389]. Клементьев же напротив занял обскурантистскую позицию и впервые в чувашской историографии, вслед за татарской традицией, дал однозначную оценку ноябрьского проекта Волжско-Уральского штата как территориальной автономии татар и башкир. Утверждал, что в резолюции Милли Меджлиса от 29 ноября 1917 г., якобы, написано, что это будет «тюрко-татарский штат, включающий в себя Южный Урал и Среднее Поволжье, причем в нем не должно быть других образований» [8, с. 24]. То есть настаивал, что на территории штата, кроме татарской и башкирской, не будет никаких территориальных, либо культурных автономий других народов, в том числе русских, чувашей и марийцев. Это грубейшее искажение документа и реальности. Такое искажение имеет далеко идущие негативные последствия, как для чувашеведения, так и для современного национального самосознания и для будущего чувашской государственности. Данный «татаризированный» тезис о вторичности чувашского участия в проектировании штата, без изменений, и не смотря на наши многочисленные статьи и своевременные замечания в адрес исследователя, без изменений перешли в последующие монографии Клементьева в 2009 г [3, с. 33] и в 2014 году [10, с. 289].

Примечание: думаю, будет излишне процитировать настоящую резолюцию Милли Меджлиса от 29 ноября 1917 г.: «1. Принимая во внимание, что большинство членов тюрко-татарской нации населяет территории между Южным Уралом и средним течением Волги, и имея в виду национальные и экономические интересы как тюрко-татар, так и других народов (выделено нами – С.Щ.), населяющих эту территорию, Национальное собрание мусульман внутренней России и Сибири признало необходимым образование штата... 6. В Урало-Волжском штате должно осуществляться полное равенство наций, языков и религий». В дополнительном и пояснительном постановлении Милли Меджлиса «О правах наций, языков и религий в Урало-Волжском штате» говорится, что «5). Каждая нация, имеющая органы самоуправления, признается юридическим лицом. Все органы национального самоуправления, как центральные, так и местные, признаются органами публично-правовыми... 7) Из средств штата, предназначенных на национальные нужды, все нации пользуются в одинаковой степени – пропорционально своей численности... 19) В средних учебных заведениях всех национальностей, кроме родного языка учащегося, должно быть обязательное изучение еще одного из языков: татарского, русского, чувашского и черемисского. 20) Для лиц, окончивших высшие учебные заведения штата, обязательно знание двух их языков: татарского, русского, чувашского и черемисского» [13, с. 269-272]. Где здесь – тюрко-татарский штат и национальная государственность татар и башкир? Очевидно, что здесь заложены принципы интернационализма.

В последней монографии, уже осознавая ошибочность своего утверждения, Клементьев пошел на новую хитрость. Речь идет о том, что, имея на руках реальный и полный текст резолюции Милли Меджлиса от 29 ноября 1917 г., Клементьев использует его с искажающими купюрами. Так, описывая границы штата, использует оригинал, а при описании этнической принадлежности штата, ссылается на тенденциозную информацию со статьи 1999 г. татарского историка С.М. Исхакова [6, с. 51]. То есть, видя, что он не прав, идет на сознательное

искажение документов. В его «фейковой» трактовке получается, что на территории западной (чувашско-марийской) части Казанской губернии должен был быть исключительно «тюрко-татарский штат, причем в нем не должно быть других образований». Это обман читателя. Что особенно примечательно, в 2004 г. Исхаков в новой монографии исправился и написал тот же материал уже правдиво, указывая на равноправие и интернационализм в штате [7, с. 405]. Клементьев знает эту книгу и использует ее в 2014 году [10, с. 289] Отчего же он тогда использовал устарелую и ошибочную информацию Исхакова 1999 года? Думаем, что это недопустимо для научной этики. На этом заканчиваем историографический обзор и перейдем к изучению отдельных моментов ноябрьского проекта Волжско-Уральского штата 1917 года.

II) Изложим некоторые соображения, которые на наш взгляд, в дальнейшем помогут комплексно, всесторонне и полно осветить вопрос об участии чувашских организаций в реализации как проекта Волжско-Уральского штата, так и других альтернативных ему направлений.

1. Необходимо четко определиться, что на Казанском чувашском военно-окружном съезде в декабре 1917 г. и Всероссийском чувашском военном съезде в январе 1918 г. не было никаких фракций. Первая официальная левая фракция зафиксирована только на Общечувашском рабоче-крестьянском съезде в июне 1918 года. Это необходимо, чтобы избавиться от иллюзий, которые формировали чувашские политики советского времени, чтобы не дискредитировать «чувашское дело» перед новой властью. А что же на этих трех съездах было принято в отношении проектов региональной автономизации в ноябре 1917 г. – июне 1918 года?

На декабрьском чувашском военном съезде вопрос о вхождении не обсуждался, но был вопрос о том, какой должна быть Россия – унитарной или федеративной. Согласно резолюций по докладу И.В. Васильева, съезд впервые официально изменил прежнюю унитаристскую позицию чувашского движения в пользу признания федеративности и создания в регионе областной автономии [1, оп. 1. д. 2. л. 33]. Это можно трактовать как идею поддержки проекта

Волжско-Уральского штата, адептом которого был Васильев. А на январском чувашском военном съезде, практически единогласно было принято принципиальное решение о вхождении чувашских территорий в Волжско-Уральский штат. Согласно протоколов самого съезда, за вхождение чувашских территорий в Волжско-Уральский штат 19 января 1918 г. проголосовало 44 депутата съезда и 4 воздержались [1, оп. 1. д. 24. л. 32]. Подавляющего большинства воздержавшихся не отмечено. Попутно, со своей стороны заметим, что на основании анализа протоколов, видно, что, по крайней мере, двое воздержавшихся, были противниками принципов федерализации в России вообще и стояли на принципах культурной автономизации всех народов страны в унитарном государстве. Зато предложение о провозглашении штатов до 1 февраля, т. е. пока советский областной съезд «не пошел против штата», было принято единогласно без воздержавшихся [1, оп. 1. д. 24. л. 32 об]. Пора избавляться от советского мифа, что на этих съездах якобы левая фракция голосовала против штата. Зато вот на июньском съезде 1918 г. такое действительно имело место. Но, это было сделано в отношении сталинского проекта Татаро-Башкирской республики, причем в пользу восстановления принципов интернациональной областной автономии образца ноября-декабря 1917 года [1, оп. 1. д. 27. л. 28, 28 об.].

2. Важные сведения со ссылкой на татарские газетные издания «Кояш» и «Известия Всероссийского мусульманского Совета», сообщает в своей монографии С.М. Исхаков. Он напоминает, что до ноября 1917 г. единым лозунгом национального движения казанских татар было требование реализации культурной автономии. Впервые смена лозунга на территориальную автономию произошло 12 ноября 1917 г. на заседании татарских организаций, организованное по инициативе Харби Шуро. Затем это решение было передано на рассмотрение Милли Меджлиса, который, кстати, по мысли организаторов собирался в ноябре как представительный орган автономизации, основанный на культурном принципе. Вот там под напором территориалистов и был выдвинут проект Волжско-Уральского штата, который сочетал в себе принципы культурной и территориальной автономии. Так вот, Исхаков пишет, что собрание 12 ноября было созвано после

обращения чувашских, марийских и мордовских представителей в Харби Шуро, которые предлагали преобразовать Казанскую губернию в Казанскую республику «обещая при этом свою поддержку и защиту». Основанием такого обращения, по сведениям автора, стало то обстоятельство, что после избрания 3 ноября 1917 г. председателем Казанского губсовдепа Я.С. Шейкмана, в основном все руководство губернской власти стало русским [6, с. 392]. Раньше мы в своих публикациях писали, что инициаторами интернационального штата в Казанской губернии было мусульманское движение, а чувашское было вынуждено подстраиваться под меняющиеся обстоятельства. Новые факты, изложенные в книге Исхакова, расставляют приоритеты по-иному, и требуют переосмысления и поисков дополнительных сведений...

3. Информация Исхакова так же подкрепляет фактической базой и другое направление исследовательской мысли. Так, мы знаем, что в декабре 1917 г. тот же Шейкман взял курс на реализации в руководстве губернии национально-пропорционального принципа и увеличение участия представителей местных национальностей в управлении советской губернии. Этим он вместе с К.Я. Грасисом попал в число оппортунистов в отношении национальной политики Ленина и Сталина, революционная мысль которых до 1918 г. была направлена на признание права на самоопределение только у классово развитых пролетарских наций, в число которых «малые народы» Среднего Поволжья и Приуралья не попадали. Кстати, Шейкман и Грасис в обход мнения Совнаркома РСФСР все же добились самопровозглашения Казанской советской республики в феврале 1918 г., и которую тот же Совнарком вынудил «мятежный» регион в мае 1918 г. самоликвидировать. Однако «творчество трудящихся масс» в итоге повлияло на изменение прежних большевистских доктрин. С новыми данными из монографии Исхакова у этой цепочки событий появляется дополнительное звено, которое также необходимо хорошо осмыслить.

4. Важно разобраться со «странными» поведением и воспоминаниями одного из чувашских лидеров 1917–1918 гг. А.Д. Краснова. На основе сохранив-

шихся отрывочных сведений и искаженных воспоминаний, а также реконструкции тех событий и с учетом новых данных Исхакова, можно сделать вывод, что оно было не таким уж и странным. Полагаем, что в конце 1917 г. – начале 1918 г. он работал на два лагеря, национальный и советский. То есть сотрудничал как с Харби Шуро, так и со враждебным ему Казанским губсовдепом. Советам демонстрировал классовый подход и борьбу с буржуазным национализмом, но в то же время последовательно отстаивал идеалы культурного типа автономизации, который напомним по определению Ленина и являются утонченным видом буржуазного национализма. Это, с одной стороны. С другой стороны, просим обратить внимание на тонкий дипломатический нюанс – Краснов, найдя в декабре 1917 г. деятельную поддержку и понимание со стороны Шейкмана и Грасиса, а вместе и с ним обещание реализовать полноценную культурную автономию чувашей уже не в буржуазном штате, а в советской республике, подспудно поддерживал и противоположную позицию. В частности, в том же январе 1918 г. на чувашских съездах он активно поддерживает татарский проект штата. Спрашивается – зачем? Думаем, для того чтобы в условиях противостояния Харби Шуро и Казанского губсовдепа иметь поддержку с обеих сторон, делая тем самым чувашскую позицию более крепкой и перспективной. Дальнейшие изыскания в отношении исследования деятельности Краснова, помогут пролить немало света и проект Волжско-Уральского штата ноября-декабря 1917 г.

5. Необходимо изучить проекты советской автономизации казанских большевиков и левых эсер на рубеже 1917–1918 годов. Этот вопрос как правило вообще выпадает из поля внимания исследователей. В советское время Грасиса и Шейкмана третировали за оппортунизм и нигилизм по отношению к политике Ленина и Сталина. Особенно Грасиса. В современное время татарские историки тоже их не жалуют, так они были сторонниками интернациональных проектов. Думаем, что именно чувашские исследователи должны вспомнить те позитивные моменты этих деятелей, которые помогли сформироваться нашему современному богатейшему полиэтническому культурному ландшафту Волжско-Уральского региона.

6. Очень важно принципиально разобраться с проектами Шарафа в декабре 1917 г. и январе 1918 года. Так в статье Усановой говорится, что разница между знаменитыми «двумя проектами Шарафа» заключается в том, что первый это с чувашским и марийским населением, а второй без них [18, с. 240]. Это верно в отношении январских событий и проекта Средне-Волжского и Южно-Уральского штата. А вот в декабре 1917 г. сам Г. Шараф, согласно сведений газету «Безен юл», эту разницу объяснял совсем по-иному: «1 проект. Количество населения в штате больше по сравнению со следующим проектом и соотношение национальностей в штате примерно равное (т.е. тюрко-татар около трети, русских около трети и чувашей, марийцев и других около трети – С.Щ.) Докладчик защищает этот, считающийся первым, проект и, исходя из него, разъясняет внутреннее устройство штата. 2-й проект. Здесь в основу штата кладется областной принцип, но предусматривается включить гораздо меньше великорусов по сравнению с тюрко-татарским населением» [13, с. 273]. Так что необходимо привлечь дополнительный комплекс документов, чтобы окончательно поставить точку в этом вопросе.

7. Исследователь Д.М. Усманова сообщает интересные подробности доклада Шарафа от 3 января 1918 г. в Милли Меджлисе. В нем он говорит, что «чуваша и черемисы входят в штат, поскольку «они не в состоянии создать собственную автономию», и что в дальнейшем, по мере подъема культурного уровня этих мелких народностей, допускается выделение более мелких штатов» [18, с.241] Речь идет о своей территориальной автономии на организацию которых чувашских организаций не было финансовых средств и военной поддержки, а «мелкие штаты» должны могли быть созданы в пределах огромного Волжско-Уральского штата. Тогда такая мысль называлась как «федерация в федерации». Впервые идея двуступенчатого становления национально-территориальных автономий была высказана И.В. Васильевым на майском съезде мелких народностей Поволжья, [15, с. 11] и массово внедрена в советскую национальную практику в 1920-ые годы. Так что изучение таких моментов может пролить свет на многие малоизученные аспекты решения национального вопроса в СССР.

Список литературы

1. Государственный исторический архив Чувашской Республики. Ф.499.
2. Государственный архив современной истории Чувашской Республики. Ф. 1046.
3. Иванов В.П. Образование Чувашской автономии: предпосылки, проекты, этапы / В.П. Иванов, В.Н. Клементьев. – Чебоксары, 2010. – 192 с.
4. Изоркин А.В. От зарождения идеи до образования автономии // Проблемы национального в развитии чувашского народа. – Чебоксары, 1999. – С. 20–37.
5. Изоркин А.В. Чувашия в 1917–1920 годах // История Чувашии новейшего времени. – Кн. 1 (1917–1945). – Чебоксары, 2001. – С. 13–81.
6. Исхаков С.М. Октябрьская революция и борьба мусульманских лидеров за власть // Отечественная история. – 1999. – №1. – С. 47–63.
7. Исхаков С.М. Российские мусульмане и революция (весна 1917 г. – лето 1918 г.). – М., 2004. – 600 с.
8. Клементьев В.Н. Национальное самоопределение народов Среднего Поволжья и Приуралья в послеоктябрьский период и автономизация чувашей (ноябрь 1917–1920 годы) // Чувашский гуманитарный вестник. – 2007. – №1. – С. 23–44.
9. Клементьев В.Н. Национальная психология и уровень притязаний чувашской политической элиты начала XX века // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: история и современность. – Чебоксары, 2012. – С. 32–42.
10. Клементьев В.Н. Истоки национальной государственности чувашского народа. – Кн. 1. Истоки государственности чувашей. – Чебоксары, 2014. – 320 с.
11. Минеева Е.К. Становление Марийской, Мордовской и Чувашской АССР как национально-территориальной автономии. – Чебоксары, 2009. – 594 с.
12. Минеева Е.К. Наркоманц РСФСР и становление автономии чувашского народа в 1918–1925 гг. – Чебоксары, 2007. – 182 с.
13. Национально-государственное устройство Башкортостана (1917–1925): Документы и материалы. – Т. 1. – Уфа, 2002. – 606 с.

14. Немцева Т.В. Роль чувашского национального движения в истории образования Татаро-Башкирской Республики // Вестник ЧГПУ. История и право. – 2001. – №4. – С. 57–60.

15. Протоколы съезда мелких народностей Поволжья // Съезды народа мари. 1917–2004 гг. – Йошкар-Ола, 2008. – С. 5–44.

16. Резолюции и пожелания, принятые Общечувашским Национальным Съездом, состоявшимся в г. Симбирск с 20 по 28 июня 1917 г. – Симбирск, 1917. – 30 с.

17. Тагиров И.Р. О монографии С.В. Щербакова и не только о ней // Гасырлар авазы – Эхо веков. – 2013. – Л. 195–198.

18. Усманова Д.М. Национальное собрание и судьба различных проектов // История татар с древнейших времен. – Т. 7. Татары и Татарстан в XX – начале XXI в. – Казань, 2013. – С. 233–242.

19. Щербаков С.В. Всероссийский чувашский военный съезд: попытки решения национального вопроса эсерами в январе 1918 года (по документам РГУ «Государственный исторический архив Чувашской Республики») // Вестник Ленинского мемориала. – Вып. 9. Материалы Всероссийской научно-практической конференции «1917 год в зеркале истории». – Ульяновск. 2007. – С. 386–397.